

обязанности изучать все прочие науки. Логика вводит в конкретные науки о действительном мире, учит методу.

Что касается фактических сведений о реальном мире, то они имеют в «Великой науке» явно вспомогательное, иллюстративное значение. И заимствованы они по большей части из довольно архаических источников, никак не отражающих уровень естественно-научных знаний в Московской Руси конца XVII в.

За последние годы в особенности стало ясно, что уровень естественно-научных знаний в Московской Руси вовсе не был так низок, как принято было думать раньше. Русские землепроходцы и рудознаты, инженеры и техники, врачи и аптекари, ремесленники и военные обладали большим количеством естественно-научных сведений, и их опыт еще более расширялся благодаря знакомству с передовой западноевропейской научной литературой. Огромная работа велась в приказах как по обобщению эмпирических данных, так и по переводу и переработке иностранных научных произведений. В сопоставлении с ними естественно-научные сведения, содержащиеся в «Великой науке», безнадежно архаичны: ссылки на Кардано (1501—1576), которые сами по себе уже являются анахронизмом для конца XVII в., тонут в массе традиционного bestiарного материала — легенд о фениксе, «дивовищах» и т. д.

Естественно, что «Великую науку» нельзя привлекать для характеристики русского естествознания конца XVII в. И нельзя прежде всего потому, что она вовсе не является естественно-научной энциклопедией.⁵ Цель и назначение ее — другие, и возникла она вовсе не в тех кругах русского общества, которые имели отношение к вопросам естествознания.

«Науку», или, точнее, «искусство» Люллия часто характеризовали как *ars inventiendi*. По-русски эту характеристику передавали словами: «искусство изобретения» или «искусство открытия». С этой точки зрения «Искусство» Люллия оказывалось нелепой попыткой раскрыть все «тайны мироздания» путем механической комбинации небольшого количества отвлеченных понятий. Но термин *inventio* имеет и другое значение — риторическое. По классическому определению Цицерона, «изобретение (*inventio*) есть придумывание истинных или правдоподобных вещей, которые делают вероятным защищаемое положение»,⁶ тогда как «расположение (*dispositio*) есть „распределение изобретенных вещей в порядке“». ⁷ «Искусство» Люллия должно было служить этим двум целям: создать костяк будущего ораторского произведения, распределить в строгом порядке, «по чину», основные мысли этого произведения.

Если рассматривать люллианские сочинения в плане логико-риторическом, то их распространение у нас в России в конце XVII и в первых десятилетиях XVIII в. вовсе не будет анахронизмом. Достаточно вспомнить,

⁵ Охарактеризовав «Великую науку» как «обширный философский трактат в восьми книгах, стремящийся охватить в одной общей схеме весь мир — духовный и материальный — науку наук», Б. Е. Райков (Очерки. . ., стр. 36), в сущности, не мог найти здесь ничего положительного. Точно так же Т. И. Райнов (Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 434 и 466), основываясь исключительно на опубликованных выдержках, весьма сурово оценил «астрономию» и «биологию» «Великой науки».

⁶ «*Inventio est excogitatio rerum verarum, aut veri similibum, quae causam probabilem reddant*» (Cic., *De inventione*, I, 7, 9). В формулировке Софрония Лихуда: «Обретение есть еже вымышляти истинные вещи, или подобныя истинным, ими же да покажется достоверно еже ритор показати тцится» (пер. Косьмы, ркп. ГБЛ, собр. Рум., № 245, л. 11 об.).

⁷ «*Dispositio est rerum inventarum in ordine distributio*». В формулировке того же Софрония: «Изложение есть обретшихся вещей по чину разделение».